

«...Есть память обо мне, Есть в мире сердце, где живу я»

ПУШКИНСКИЙ МУЗЕЙ В БРОДЗЯНАХ

— Вы едете в Прагу? — спросил меня старый русский пражанин, давно уже живущий в Москве, любитель и знаток поэзии, — побывайте в Клементинуме, где хранится библиотека Смирдина, и Брунцвику поклонитесь.

— Брунцвику?

— Да, рыцарю у Карлова моста. Марина Цветаева называла его своим ангелом-хранителем. «У меня есть друг в Праге, — писала она, — каменный рыцарь, очень похожий на меня лицом. Он стоит на мосту и стережет реку: клятвы, кольца, волны, тела...»

Все так же стоит мальчик-рыцарь, подняв свой золотой волшебный меч над Влтавой, он замер, не ведая, что обрел бессмертие не только в камне, но и в том, что прочнее камня, — стихах Цветаевой:

*Блѣдно-лицыи
Страж над плесом века —
Рыцарь, рыцарь,
Стережущий реку.*

.....
— «С рокового мосту
Вниз — отваясь!»
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский.
Сласть ли, грусть ли
В ней — тебе видней,
Рыцарь, стережущий
Реку — дней.

А совсем неподалеку от Карлова моста в одном из пражских архивов хранится более ста писем М. Цветаевой к Анне Тесковой, ее чешскому другу. Так вот, именно в письмах к Тесковой есть слова, которые как бы протягивают связующую во времени нить — от Пушкина к XX веку, чьим трагическим голосом стала поэзия Цветаевой. Она пишет о

своих стихах к Пушкину: «Стихи к Пушкину... совершенно не представляю себе, чтобы кто-нибудь осмелился читать, кроме меня. Страшно резкие, страшно вольные, ничего общего с канонизированным Пушкиным не имеющие — обратные канону. Опасные стихи... Они внутренне — революционные... внутренне — мятежные, с вызовом каждой строки... они мой, поэта, единоличный вызов — лицемерам тогда и теперь...»

*Вся его наука —
Мощь. Светло — гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.*

Память о двух русских поэтах встретила мне в Праге, и символично, что имена их — Цветаева и Пушкин — два века нашей поэзии.

ЗАЙДЕМ К СМИРДИНУ

О том, что знаменитая в пушкинское время библиотека А. Ф. Смирдина находится теперь в Праге, время от времени появляются информации в печати, о ней снят и фильм.

Вспомним знаменитую гравюру С. Галактионова по рисунку А. Брюллова — «Новоселье у Смирдина». Во главе стола — И. А. Крылов, близ него стоит Смирдин, далее сидят Хвостов, Пушкин... Новоселье, а Смирдин отмечал 19 февраля 1832 года открытие магазина и публичной библиотеки в новом помещении на Невском в Петербурге, проходило торжественно «в среднем бельэтаже в окружении горделиво стоящих за стеклом в шкафах красного дерева русских книг в богатых переплетах». И вдруг через полтора века оказаться среди этих же книг, иметь возможность

Бродзаны.
Флигель.
Здесь хранилась
библиотека
и архив
Фризенгофов

взять в руки тома, которые могли перелистывать Пушкин, Жуковский, Вяземский, но не в России, не на Невском проспекте, а в одном из старинных зданий старого монастыря в центре Праги! Сердце может замереть даже не у библиофила.

Ведь Смирдин — это целая эпоха в судьбе отечественной культуры, а особенно в судьбе русской книги. Белинский даже ввел в обиход термин — «смирдинский период российской словесности», называл А. Ф. Смирдина его «главой и распорядителем». Человек, который собрал в своей библиотеке книги, оказавшиеся в Праге, был не только замечательным издателем и просветителем, он стал настоящим другом и помощником русских писателей. «Русская публика, — писал Белинский, — видела в г. Смирдине книгопродавца на европейскую ногу... с благородным самолюбием, для которого не столько было важно нажиться через книги, сколько слить свое имя с русской литературой, внести его в ее летописи».

Один за другим снимаю с полок тома: Тредиаковский, Батюшков, Жуковский, Гнедич, Гоголь, Козлов, наконец, Пушкин... Кожаные и полукожаные переплеты, чуть пожелтевшие, тронутые временем страницы, экслибрис «Из библиотеки Смирдина». Именно их, возможно, читали, обсуждали и те, кто собрался на новоселье у Смирдина, и многие их современники. Несомненно, Пушкин пользовался смирдинской библиотекой. Среди принадлежавших поэту книг выявлено семь экземпляров с экслибрисом «Из библиотеки Смирдина».

Библиотека Смирдина особенно интересна тем, что в период массового увлечения читающей публики первой трети XIX века книгой иностранной — это было собрание именно русских книг, причем нередко изданных самим Смирдиным. Его издательская деятельность была многообразна и часто столь нерасчетлива, что в конце концов привела его к разорению. Цензор А. В. Никитенко пророчески замечал: «Наши литераторы владеют его карманом как аренду. Он может разориться по их милости. Это было бы настоящим несчастьем для нашей литературы! Вряд ли ей дождаться другого такого бескорыстного и простодушного издателя!» Особой любовью и почтением пользовался у Смирдина Пушкин. Он не только продавал произведения поэта — «Бахчисарайский фонтан», «Руслана и Людмилу», «Кавказского пленника», «Бориса Годунова», но и издавал его книги. В 1833 году, например, напечатал первое полное издание «Евгения Онегина», а в 1835 году — «Поэмы и повести». В журнале Смирдина «Библиотека для чтения» и в альманахе «Новоселье» также публиковались произведения Пушкина. Издатель платил ему необычайно высокие гонорары — за каждую стихотворную строку Пушкин получал червонец золотом, а всего, по подсчету известного советского знатока книги Н. П. Смирнова-Сокольского, около половины заработанных литературным трудом денег поэт получил от Смирдина.

Авдотья Яковлевна Панаева передает в своих воспоминаниях слышанный ею еще в 40-х годах рассказ А. Ф. Смирдина о Пушкине. «Панаеву понадобилась какая-то старая книга, и мы зашли в магазин Смирдина. Хозяин пил чай в комнате за магазином, пригласил нас туда и, пока приказчики отыски-

вали книгу, угощал чаем; разговор зашел о жене Пушкина, которую мы только что встретили при входе в магазин.

— Характерная-с, должно быть, дама-с, — сказал Смирдин. — Мне раз случилось говорить с ней... Я пришел к Александру Сергеевичу за рукописью и принес деньги-с; он поставил мне условием, чтобы я всегда платил золотом, потому что их супруга, кроме золота, не желала брать денег в руки. Вот-с Александр Сергеевич мне и говорит, когда я вошел-с в кабинет: «Рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама вас видеть», и повел меня; постучались в дверь: она ответила «входите». Александр Сергеевич отворил двери, а сам ушел; я же не смею переступить порога, потому что вижу-с даму, стоящую у трюма, опершись одной коленой на табуретку, а горничная шнурует ей атласный корсет.

«Входите, я тороплюсь одеваться, — сказала она. — Я вас для того призвала к себе, чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых вместо пятидесяти... Муж мой дешево продал вам свои стихи...» (...) Я поклонился, пошел в кабинет к Александру Сергеевичу и застал его сидящим у письменного стола с карандашом в одной руке, которым он проводил черты по листу бумаги, а другой рукой подпирал голову-с, и они сказали-с мне:

«Что? с женщиной труднее поладить, чем с самим автором? Нечего делать, надо вам ублажить мою жену; понадобилось ей заказать новое бальное платье, где хочешь, подай денег... Я с вами потом сочтусь».

— Что же, привесли деньги в шесть часов? — спросил Панаев.

— Как же было не принести такой даме! — ответил Смирдин.

В этом эпизоде просматривается многое — и несколько пренебрежительно-высокомерное отношение к «торгашу» Смирдину Натальи Николаевны, меряющей его по кастовым законам «света», и ум и такт Пушкина, и характер самого Смирдина, искренно любившего поэта.

Но дело не только в материальных расчетах, хотя они играли, конечно, далеко не маловажную роль, когда русская литература только-только становилась на профессиональные рельсы.

Смирдин создал в своем магазине своеобразный литературный салон, где писатели встречались, знакомились с книжными новинками, общались. «Его магазин, — писал современник, — известен всякому почтальону, потому на адресе не нужно обозначать ни улицы, ни дома». Ученый, издатель, друг Пушкина П. А. Плетнев сообщал Я. К. Гроту, упоминая о Смирдине, что «его библиотека для литератора есть неоценимое сокровище».

Пушкин любил бывать у своего издателя. Есть сведения, что посетил он его и незадолго до роковой дуэли. Среди современников, встречавших здесь поэта, был и молодой И. И. Панаев.

«...Однажды часа в три, — вспоминал он, — я зашел в книжный магазин Смирдина... В одно почти время со мной вошли в магазин два человека: один большого роста, с весьма важными и смелыми приемами, полный, с рыжеватой эспаньолкой, одетый франтовски; другой среднего роста, одетый без всяких пре-

тензий, даже небрежно, с курчавыми белокурыми волосами, с несколько арабским профилем, с толстыми выдававшимися губами и с необыкновенно живыми и умными глазами. Когда я взглянул на последнего, сердце мое так и замерло. Я узнал в нем Пушкина по известному портрету Кипренского. До этого я никогда не встречал Пушкина. Я преодолел робость, которую ощутил при первом взгляде на этот великий литературный авторитет, подошел к прилавку, у которого он остановился, и начал внимательно и в подробности рассматривать поэта... Он спросил у Смирдина, не помню, какую-то книгу и, перелистывая ее, обратился к своему спутнику с каким-то замечанием. Спутник, заложив руку за жилет, отвечал громко, не смотря на Пушкина, и потом, с улыбочкой обратясь к Смирдину, начал с некоторой торжественностью:

— К Смирдину как ни придешь... — и остановился... Пушкин взглянул на своего спутника с полуулыбкой и покачал головой. Я думал, глядя на господина с рыжей эспаньолкой: «Счастливец! Как он обращается с великим человеком. Кто бы это такой?» С этим вопросом обратился я к Смирдину, когда Пушкин вышел из лавки.

— Это-с С. А. Соболевский, — отвечал Смирдин, — прекраснейший человек и друг Александра Сергеевича-с...

После я уже узнал, что стих, произнесенный Соболевским у Смирдина, был первый стих известного экспромта Пушкина:

*К Смирдину как ни придешь,
Ничего не купишь.
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь».*

Эта несколько раздраженная эпиграмма была вызвана тем, что Смирдин был деловыми отношениями связан и с журнальным триумвиратом (Гречем, Булгариным, Сенковским), с которым боролся Пушкин. Именно этот триумвират через несколько лет стал причастен к разорению А. Ф. Смирдина. «Под старость я остался гол, как сокол. Это всем ведомо», — горько говорил он.

А что же стало с «неоценимым сокровищем» — знаменитой библиотекой Смирдина? И как она очутилась в Праге?

До недавнего времени судьба этих книг смутно прослеживалась вплоть до 1930-х годов. Было известно, что после смерти последнего владельца библиотеки — П. И. Крашенинникова она попала к А. А. Черкесову, а в конце 70-х годов XIX века была продана рижскому перекупщику книг Н. Киммелю. Далее следы книг терялись.

Пропавшая библиотека «нашлась» неожиданно, уже во второй половине XX века. Советский исследователь русско-чешских культурных связей Л. С. Кишкин, работая в Праге в Славянской библиотеке, крупнейшем в мире собрании изданий на славянских языках, заказав книгу с шифром Sm. Получив ее, он с удивлением увидел штампель: «Библиотека А. Смирдина №...» Так в поле зрения русских исследователей вновь попала затерявшаяся почти на век библиотека.

— В Праге библиотека Смирдина, вернее ее часть, оказалась в 1932 году, — рассказывает директор Славянской библиотеки доктор Иржи Вацек. — Когда организовывалась наша

библиотека, МИД Чехословакии помогал широко покупать книги за границей. Тогда и обнаружилось, что в Риге хранится смирдинское собрание, в основном издания по технике и естествознанию. Гуманитарная же часть была пущена Киммелем в розничную продажу, но, к счастью, распродана не полностью. В 1932 году книги Смирдина были перевезены в Прагу. Как и подобает, экземпляры были инвентаризованы, и после этого в годовом отчете Славянской библиотеки о приобретении было сказано: «Эта библиотека является целостным собранием книг времени первого расцвета русской культуры на рубеже XVIII и XIX столетий... уцелевшая часть библиотеки представляет собой необычайно ценное собрание не только в количественном отношении, за пределами русских границ, но и по своему общему составу, позволяющему представить важный период русской культуры».

Была сделана попытка полностью реконструировать состав уникальной коллекции. Маяком для этого грандиозного, особенно за пределами России, предприятия служил знаменитый, изданный в 1828 году более чем на 800 страницах каталог Смирдина, который П. А. Плетнев называл «бесценным». «Попробуй-ка, — писал он Я. К. Гроту, — так раз в неделю прочитывать имена авторов в Смирдинском каталоге, и ты увидишь, сколько еще лиц и книг, о коих не слыхивал». Пользуясь «Росписью» Смирдина и четырьмя добавлениями к ней, библиографы до сих пор разыскивают недостающие экземпляры редких книг, и нередко им сопутствует успех.

С доктором Евой Велинской, заместителем директора Славянской библиотеки, занимающейся смирдинским собранием, осматриваем специальное помещение, где оно хранится.

— Здесь 12 938 книг, — говорит Ева Велинска. — Из них примерно девять тысяч — подлинных из библиотеки Смирдина, остальные добавлены во время реконструкции. Это не музейное собрание. Книги могут быть заказаны читателями и выдаются для работы. Но, конечно, эта библиотека еще ждет своего исследователя, подробного описания.

Согласимся с доктором Велинской, что тщательным изучении смирдинских книг могут случиться интереснейшие находки и открытия. Ведь никто еще даже не пролистал внимательно каждую из этих книг, безусловно, хранящих и интересные маргиналии, а возможно, и забытые между страницами записки, автографы, и кто знает, может быть, и пушкинские строки. Сотрудники Славянской библиотеки просто не имеют физической возможности своими силами подробно исследовать тысячи томов драгоценного собрания. Но в наши дни, когда так укрепляются и развиваются культурные и научные связи между странами, почему бы группе советских студентов и аспирантов не поработать несколько месяцев в Чехословакии с книгами Смирдина, тщательно просмотреть и описать каждую, составив в конечном счете полный аннотированный научный каталог бесценного культурного памятника.

Такой труд был бы тем более благодарен и полезен, что, к сожалению, слишком часто дипломные работы, кандидатские и даже докторские диссертации наших филологов становятся изложением давним-давно известного, повторением многожды пройденного.

Подробное же исследование смирдинской библиотеки даст молодым ученым материал для подлинной научной работы и, без сомнения, послужит укреплению культурных связей между Советским Союзом и Чехословакией.

...Одну за другой листаю страницы книг с экслибрисами «Из библиотеки для чтения А. Смирдина. Какие интересные названия, какие баснословные года — «Правила латинского стихосложения. 1813 г. Харьков»; «Любопытный художник и ремесленник. Москва, 1791 г.»; «Управитель или практическое на-

Несколько лет назад Славянская библиотека подарила около ста смирдинских книг московскому музею А. С. Пушкина. А когда создавался музей Пушкина в Словакии, в Бродзянах, мы передали туда много интересных экземпляров из «Смирдинского фонда». Будете в Бродзянах и увидите там эти книги.

ЗАМОК НА НИТРЕ

Первым из русских литераторов этот замок посетил Николай Алексеевич Раевский. О «пушкинском кладе» в небольшом словацком селе, в долине реки Нитры, Н. А. Раевский рассказал в широко известных работах «Если заговорят портреты» и «Портреты заговорили». Трудно было даже представить, что где-то в глубине Словакии находятся сотни реликвий, связанных с Пушкиным и его семьей. Но все объяснилось тем, что именно сюда, в Бродзяны (или Бродяны, как иногда называли это место), переехала в 1852 году, выйдя замуж за австрийского дипломата Густава Фризенгофа, любимая свояченица Пушкина, сестра его жены Александра Николаевна Гончарова. Н. А. Раевский был в Бродзянах по приглашению ее правнука, графа Георга Вельсбурга. Стояла весна 1938 года.

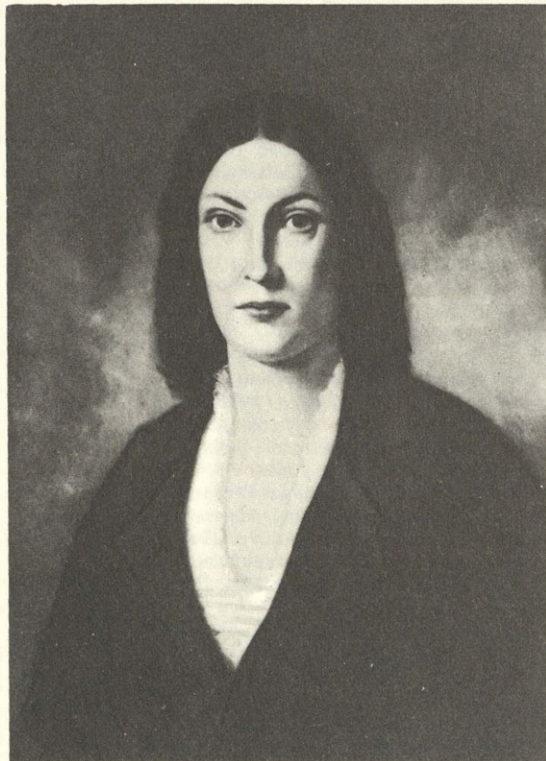
«Мы въезжаем в ворота старого парка и останавливаемся перед замком. Граф открывает массивную дверь, окованную железными полосами. Берется за старинное кольцо, вставленное в лывиную пасть. Не без волнения я переступаю порог замка, в котором десятки лет жила и закончила свои дни баронесса Александра Николаевна Фогель фон Фризенгоф, в прошлом Азя Гончарова. Что-то я вижу здесь...

Графиня Вельсбург, старавшаяся показать мне все, что могло меня интересовать, сняла с пальца старинное золотое кольцо с продолговатой бирюзой и сказала, что оно перешло к ней от герцогини (дочери А. Н. Гончаровой-Фризенгоф), а ей досталось от матери. Кольцо Ази Гончаровой, почти наверное то самое, о котором княжна Вера Федоровна Вяземская, жена друга Пушкина, когда-то рассказывала издателю «Русского архива», пушкинисту П. И. Бартеневу. Однажды поэт взял у свояченицы кольцо с бирюзой, несколько времени носил его, потом вернул.

А в ящичке с драгоценностями герцогини, именно в ящичке из простой фанеры... я увидел потемневшую золотую цепочку от креста, по словам хозяйки замка, тоже принадлежавшую Александре Николаевне. Доказать, конечно, невозможно, но, быть может, это самая волнующая из бродзянских реликвий...»

Так писал Н. А. Раевский, рассказывая далее и о многочисленных семейных портретах Гончаровых, Пушкиных и Лянских, которые он видел в Бродзянах, и о своих безуспешных попытках что-то узнать о документах, быть может связанных с Пушкиным, в архиве замка, и о поисках его прижизненных изданий в огромной Бродзянской библиотеке, где был специальный русский шкаф. Но молодому исследователю довелось пробыть в замке лишь чуть больше суток. И он покинул его навсегда, ибо вскоре разразилась война.

Я подъезжал к замку, где жила и умерла Александра Николаевна Фризенгоф-Гончарова, почти через полвека после того, как побывал здесь Раевский. Еще в Москве историк Лев Сергеевич Кишкин, много сделавший для

А. Н. Гончарова. Неизвестный художник. 1830-е годы. Портрет находился в Бродзянах. Ныне — во Всесоюзном музее А. С. Пушкина (Ленинград)

ставление во всех частях сельского хозяйства. Москва. 1810»; «Отчет медико-филантропического комитета о домашнем лечении бедных и диспансириях в Санктпетербурге. 1805». А вот и книги современников Пушкина, русских поэтов, прозаиков, драматургов. Здесь, в старинном центре Праги, трудно представить себе, что они были свидетелями и главными участниками знаменитого новоселья библиотеки, «первой в России по богатству и полноте», о котором «Северная пчела» писала в 1831 году: «...г. Смирдин утвердил торжество русского ума и, как говорится, посадил его в первый угол: на Невском проспекте, в прекрасном новом здании, принадлежащем лютеранской церкви св. Петра, в нижнем жилье находится ныне книжная торговля г. Смирдина... Сердце утешается при мысли, что наконец и русская наша литература вошла в честь и из подвалов переселилась в чертоги!»

— Мы с великой бережностью храним наше сокровище,— говорит доктор Иржи Вацек.— Но мы и рады поделиться им с друзьями. Дело в том, что наше собрание содержит немало дублетов, то есть вторых экземпляров.

того, чтобы разыскать разбросанные войной бродзянские реликвии, автор специальных исследований о чехословацкой Пушкиниане, рассказал мне, что в недавно отреставрированном замке открыт музей А. С. Пушкина, куда в результате настойчивых поисков удалось вернуть некоторые предметы из Бродзян и другие материалы, связанные с поэтом, его друзьями и близкими.

Именно здесь, вдали от России, провела многие десятилетия и умерла Александра Гончарова, та Азя, которая приехала с сестрой Екатериной Николаевной в 1834 году из Полотняного Завода в Петербург и прожила в семье Пушкина до его гибели, затем помогала Наталье Николаевне воспитывать детей. Она,

любовь к вам обоим, мои дражайшие, добрые друзья... Мы живем по-прежнему, очень довольные своей судьбой. Маленькая Таша (дочь Александры Николаевны, будущая герцогиня Ольденбургская, художница и поэтесса. — В. Е.) растет хорошо... Живя вдали от военных бедствий, мы страдаем только душою, когда какая-нибудь прискорбная неудача случается с русскими. Да ниспослет им господь помощь в их неудачных сражениях и дарует им славную победу в обороне Крыма. Мысль о множестве семей, переживающих горе потери своих близких, заставляет нас содрогаться. Молодой Орлов и Андрей Карамзин — две жертвы, которые я искренне оплакиваю».

И. Ободовская и М. Дементьев, вниматель-

конечно, знала тайну, сопровождавшую дуэль и гибель поэта, но никогда и никому эту тайну не открыла.

Александра Николаевна была женщиной умной, властной и решительной. Она очень любила семью Пушкина, Наталью Николаевну и своих племянников, и неудивительно, что они не раз приезжали сюда, в Бродзяны.

Значительность личности Александры Николаевны, а также подробности жизни ее в Петербурге и Бродзянах стали яснее после публикаций неутомимых писателей-пушкинистов И. Ободовской и М. Дементьева. Они, в частности, опубликовали письма, которые А. Н. Фризенгоф послала своим родным в Россию.

12 ноября 1852 года было написано первое из дошедших до нас ее писем, отправленное из Бродзян. Адресовано оно брату — Ивану Николаевичу Гончарову, чей прекрасный портрет и сейчас висит в замке: «Не могу написать тебе ничего особенно интересного, принимая во внимание то уединение, в котором мы живем, дорогой и горячо любимый Ваня... Я так глубоко сожалею, что не знаю никого из твоих детей. Мне очень тяжело, что я им совсем чужая, принимая во внимание мою

но проанализировавшие все письма Александры Николаевны, сравнивая ее бродзянские послания с письмами петербургского периода, отмечают, что только в Бродзянах успокоилась «ее мятущаяся душа, нашедшая наконец свое счастье». Она жила в старом замке, окруженная портретами своих близких, бережно хранила альбомы с видами Москвы, Петербурга и Полотняного Завода. Не знаем мы только, было ли хоть одно изображение Пушкина, хоть одна строчка, написанная его рукой, сохранены баронессой Фризенгоф. И это самая большая загадка замка Бродзяны.

И вот я иду по его комнатам, и воистину «минувшее меня объемлет живо». Изображения друзей, родственников и знакомых Пушкина. Очаровательный акварельный портрет Натальи Николаевны, созданный В. Гау в 1842 году; портрет Густава Фризенгофа, овальный портрет его жены (копия с оригинала, находящегося в Ленинграде), старинные фотографии, гравюры, акварели, дагеротипы.

А в альбомах — десятки рисунков. Особенно интересны выполненные племянником П. П. Ланского, Н. П. Ланским, портреты Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской и ее детей — Марии, Григория, Александра и

В гостиной замка Бродзяны. На ролях ноты, привезенные Александрой Николаевной из России. На столе — альбомы, ей принадлежавшие

Портрет
Н. Н. Пушкиной
работы В. Гау.
1842 год. Музей
А. С. Пушкина
в Бродзянах

савицей, и если можно прибавить к этой красоте ум и любезность, то можно представить, как Наталья Александровна была окружена на великосветских балах...» И. С. Тургенев, которому Наталья Александровна передала для редактирования и публикации письма своего отца к матери, замечал о ней: «Удивительнее всего то, что младшая его дочь, оставшаяся полугодовалым ребенком после его смерти, эта самая графиня Меренберг, как две капли воды на него похожа».

Можно много и подробно рассказывать о бродзянских реликвиях — альбоме рисунков литератора и художника Ксавье де Местра, О. А. Кипренского, Г. Г. Гагарина, Н. И. Фризенгоф; альбоме с автографом стихотворения В. А. Жуковского «Мотылек и цветы» и его пейзажными зарисовками...

Граф Ксавье де Местр, писатель, ученый, художник, был женат на тетке сестер Гончаровых С. И. Загряжской. Их приемная дочь Н. И. Иванова была первой женой Густава Фризенгофа, ставшего после ее смерти мужем Александры Николаевны Гончаровой. О том, что в Бродзянах находится альбом с одним из лучших стихотворений В. А. Жуковского, знали многие современники. П. А. Плетнев писал в 1842 году Я. К. Гроту, упоминая в письме «изумительного старика» Ксавье де Местра: «Нельзя изобразить, как интересно видеть 80-летнего графа Местра со всею готовностью души участвовать в умственных занятиях. До сих пор он пишет брошюры по части физики и отсылает их в Париж. Еще за два года он написал несколько картин масляными красками. У него зрение и слух вполне сохранились до этих лет. Обед был самый роскошный. Графиня говорит, что в ее положении это одно удовольствие ей осталось. Она родная тетка жены. А. Пушкина и была по отцу Загряжская. У них была

Натали Пушкиных. Н. П. Ланской был опытным и умелым рисовальщиком; как замечает исследовательница бродзянских портретов Л. П. Февчук, «его точные, правдивые, немного сухие рисунки графитным карандашом очень грамотного художника-любителя не вызывают сомнений в сходстве с оригиналом».

Эта своеобразная портретная галерея родственников и друзей (а в альбоме находятся также портреты Дмитрия, Ивана и Сергея Гончаровых, Петра Петровича и Павла Петровича Ланских, П. А. Вяземского и других) создавалась в годы, когда А. Н. Гончарова-Фризенгоф собиралась за границу. Может быть, она просила выполнить эти портреты на память о близких, оставшихся в России.

Невольно привлекает к себе внимание портрет младшей дочери поэта, пятнадцатилетней Натальи Александровны. Не раз писалось о ее удивительном сходстве с молодым Пушкиным и о ее лучезарной красоте. С. М. Загоскин вспоминал: «В жизнь мою я не видел женщины более красивой, как Наталья Александровна, дочь поэта Пушкина. Высокого роста, чрезвычайно стройная, с великолепными плечами и замечательною белизною лица, она сияла каким-то ослепительным блеском. Несмотря на мало правильные черты лица, напоминавшего африканский тип ее знаменитого отца, она могла назваться совершенной кра-

воспитанница Иванова, которая теперь заму-
жем в чужих краях и которой в альбом Жу-
ковский написал одну из лучших своих пьес
«Поляны мирной украшень» («Мотылек и
цветы». — В. Е.).

*Поляны мирной украшень,
Благоуханные цветы,
Минутное изображение
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно расцветаете,
Глядясь в воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
В непостоянстве мотылька*

*.....
Но есть меж вами два избранные,
Два ненадменные цветка;
Их имена, им сердцем данные,
К ним привлекают мотылька
Они без пышного сияния;
Едва приметны красотой;
Один есть цвет воспоминания,
Сердечной думы цвет другой.*

*О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца — упование
На лучший, неизменный свет!
Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег и позабыл.*

Это стихотворение Жуковского, чья руко-
пись после долгих скитаний по свету оказа-
лась в Бродзянах, высоко ценил Пушкин, о
чем и писал Плетневу.

Сейчас работники музея А. С. Пушкина в
Бродзянах готовятся издать некоторые альбо-
мы, хранящиеся в замке. Среди них и этот
альбом В. А. Жуковского. Но, учитывая ог-

ромный интерес ко всему, что касается Пуш-
кина и его времени в нашей стране, было бы,
наверное, целесообразно выполнить эту работу
совместно чехословацким и советским изда-
тельствами возможно большими тиражами,
чтобы и почитатели поэзии Пушкина в нашей
стране имели возможность приобрести их для
своих библиотек.

Разве может, например, не волновать во-
ображение альбом с гербарием растений, со-
бранных Н. Н. Пушкиной и ее детьми в
Михайловском в 1841 году!

Эти «цветы засохшие, безуханные» нахо-
дятся в альбоме Н. И. Фризенгоф. Судя по
записям в альбоме, растения собирались не
только в Михайловском, но и в Тригорском
и в Острове. В книге «Чехословацкие наход-
ки» Л. С. Кишкин приводит перечень назван-
ный растений пушкинских мест, сохраненных
в бродзянском гербарии. Это обычные дико-
растущие на Псковщине растения (вереск,
тысячелистник и др.) и цветы из усадебных
садов времен Пушкина — космос, кореонсис,
гайлардия, петунья. Вряд ли Наталье Нико-
лаевне Пушкиной, предававшейся модному и
полезному светскому развлечению — сбору
гербария, могло прийти на ум, что через
полтора века засушенные ею листья и стебли
помогут с исторической достоверностью вос-
станавливать цветники в Михайловском, Три-
горском и Петровском.

Но особенно поражают чудом дошедшие
до нашего времени карандашные отметки ро-
ста жены и детей Пушкина на одном из двер-
ных косяков на втором этаже старого замка.
Это, быть может, самая трогательная релик-
вия музея. По ней мы можем судить, напри-
мер, что рост Натальи Николаевны и ее до-
чери Натальи Александровны был одина-
ков — 173 сантиметра.

Где же перспективен розыск пушкинских

Мария
Александровна
Пушкина.
1852 год

Александр
Александрович
Пушкин.
1851 год

Наталья
Александровна
Пушкина.
1852 год.
Рисунок
Н. П. Ланского
из альбома
А. П. Фризенгоф
(Гончаровой)
Литературный
музей
А. С. Пушкина
в Бродзянах

реликвий из Бродзяны? Конечно, в Чехословакии, хотя внимательные исследователи уже весьма тщательно просмотрели местные архивы и музейные собрания, обследовали старые замки. Возможны поиски в Австрии, где у потомков Александры Николаевны был замок Эрлаа, и в Венгрии, куда переехал после войны правнук А. Н. Фризенгоф Г. Вельсбург. Вообще же судьба вещей, связанных с Пушкиным, может быть самой неожиданной. Например, недавно стало известно о хранящемся в одной московской семье миниатюрном портрете Н. Н. Пушкиной. Это копия с изве-

увлекалась музыкой, книгами, живописью. В замке сохранилось несколько ее работ. Возможно, ей была мало знакома техника миниатюры на кости, поэтому копия с акварели Гау вышла не совсем удачной, но тем не менее она была оправлена в специально заказанную рамку и защищена выпуклым стеклом. То, что цветное решение миниатюры в общем соответствует подлинной цветовой гамме, присущей работе Гау, говорит, что миниатюрная копия делалась с одного из трех известных вариантов, принадлежащих кисти самого мастера.

Этот портрет (известно три авторских варианта) художник создал по заказу князя П. А. Вяземского. Он хранился в подмосковном имении Вяземских Остафьеве. В 1930 году портрет поступил в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина. Именно с него была сделана первая, очень удачная цветная репродукция, опубликованная в 1937 году в пушкинском томе «Литературного наследства». Ныне он хранится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.

Еще один вариант этого портрета был приобретен за границей известным библиофилом и коллекционером С. М. Лифарем у внучки Натальи Николаевны Е. А. Пушкиной-Розенмейер. Этот портрет в 1936 году напечатан в парижском издании «Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой».

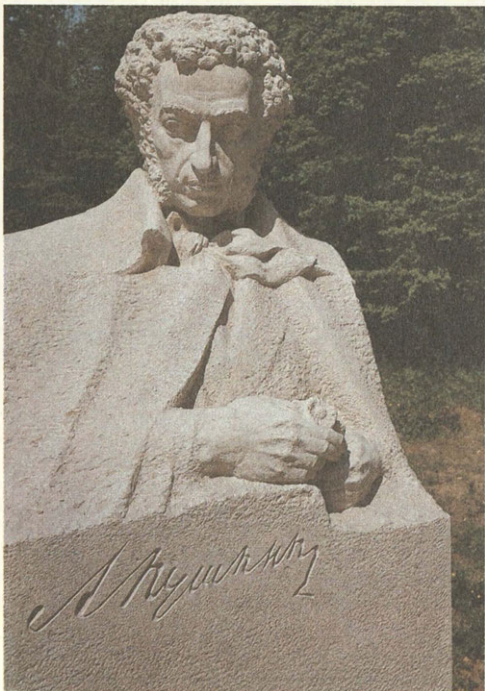
И, наконец, третий экземпляр портрета находился у дочери Натальи Николаевны А. П. Араповой, автора интересных, хотя и противоречивых воспоминаний о своей матери.

Один из этих вариантов портрета Натальи Николаевны, быть может, и видела Наталья Густавовна Ольденбург, и он послужил ей основой для создания миниатюры. Но, конечно, это лишь предположение, нуждающееся в проверке.

Здесь можно добавить, что А. П. Арапова поддерживала связи с Фризенгофами. В 1887 году она обратилась к Александре Николаевне с просьбой записать все, что та помнила о трагическом времени в жизни Пушкина — 1836—1837 годах. Рассказ жены записал очень сдержанно и корректно барон Фризенгоф. Исследователи по-разному относятся к этому документу. Наиболее верно, как интереснейшие, на мой взгляд, определила воспоминания Александрины Фризенгоф-Гончаровой С. Л. Абрамович, проанализировавшая документ в недавней книге «Пушкин в 1836 году». Несомненно, Александра Николаевна и в конце жизни прекрасно помнила все, связанное с тем далеким трагическим временем, когда, по словам Вяземского, вились вокруг Пушкина «адские сети, адские козни!»

Вот как Александра Николаевна вспоминала один из эпизодов преддуэльной истории — свидание у И. Полетики 4 ноября 1836 года. «Жена моя, — пишет племяннице барон Фризенгоф, — сообщает мне, что она совершенно уверена в том, что во все это время Геккери видел вашу мать исключительно в свете и что между ними не было ни встреч, ни перепишки. Но в отношении обоих этих обстоятельств было все же по одному исключению.

Старый Геккери написал вашей матери письмо, чтобы убедить ее оставить своего мужа и выйти за его приемного сына. Алексан-

Памятник
А. С. Пушкину
в Бродзянах.
Архитектор
М. Куус
Скульптор
Л. Снопек

стного портрета В. Гау, датируемого 1842—1843 годами. На нем Наталья Николаевна изображена в открытом балльном платье, на голове — маленькая черная шляпа со спускающимся на обнаженное плечо страусовым пером. Миниатюра, о которой мы рассказываем, выполнена на тончайшей пластинке из слоновой кости и заключена в изящную металлическую рамку. Техника и качество исполнения выдает работу художника-любителя. Видимо, эта копия с портрета Гау сделана в конце прошлого — начале нынешнего века. На обороте миниатюры надпись по-немецки: Frau Natalia Nikolayewna Püschkin geb. Gontscharowa. (Госпожа Наталья Николаевна Пушкина рожд. Гончарова). Владелица портрета рассказала, что он был куплен ее родителями в 1947 году в антикварной лавке в ГДР, в городе Хемнице (ныне Карл-Маркс-Штадт), находящемся рядом с чехословацкой границей. Там же продавался и парный мужской портрет, но, к сожалению, его приобрести не удалось. Возможны несколько версий происхождения этой миниатюры. И одна из них неминуемо приводит в Бродзяны. Можно предположить, что это работа дочери Александры Николаевны — Натальи Фризенгоф (в замужестве герцогини Ольденбургской). Она

дрин вспоминает, что ваша мать отвечала на это решительным отказом, но она уже не помнит, было ли это сделано устно или письменно.

Что же касается свидания, то ваша мать получила однажды от г-жи Полетики приглашение посетить ее, и когда она прибыла туда, то застала там Геккерна (сына.— В. Е.) вместо хозяйки дома; бросившись перед ней на колени, он заклинал ее о том же, что и его приемный отец в своем письме. Она сказала жене моей, что это свидание длилось несколько минут, ибо, отказав немедленно, она тотчас уехала».

Таким образом, память очевидцев предыдущих событий хранила многие детали далекого прошлого, связанного с Пушкиным. Тем более странно, что ни строчки, написанной рукой поэта, ни его портрета не обнаружено в Бродзьянах. Но автографы Пушкина, его книги и рукописи должны были быть у Александры Николаевны. Так считали видные советские пушкинисты, и особенно И. Л. Фейнберг, который первым из советских ученых поставил вопрос о спасении материалов, хранившихся в Бродзьянах. Его вдова, литературовед М. И. Фейнберг, узнав, что меня интересует история розысков бродзянских реликвий, передала мне несколько документов из архива своего мужа, любезно разрешив опубликовать некоторые из них. Эти документы проливают свет на историю поиска словацкой Пушкинианы в конце минувшей войны.

5 апреля 1945 года Пушкинская комиссия Союза советских писателей направила в действующую армию следующее письмо:

«Члену Военного совета II Украинского фронта генерал-лейтенанту Тевченкову.

В районе действия войск II Украинского фронта расположен замок Бродяны, в котором, возможно, находятся рукописи великого русского поэта А. С. Пушкина и другие ценные пушкинские материалы. Правление Союза советских писателей СССР и его Пушкинская комиссия обращаются к Вам с просьбой принять заблаговременно меры к сохранению находящихся в этом замке рукописей, книг и других культурных ценностей для того, чтобы обеспечить в дальнейшем возможность розысков среди них пушкинских материалов. В прилагаемой к настоящему письму специальной записке, составленной заместителем председателя Пушкинской комиссии ССП СССР профессором М. А. Цявловским, приведены данные, указывающие, каким путем пушкинские рукописи и материалы могли перейти в собственность лиц, владевших до последних лет названным замком. Как видим из 2-й части прилагаемой объяснительной записки, кроме замка Бродяны, пушкинские рукописи и материалы могут быть обнаружены в Теплице, в Вене, а также в имениях Граупен и Винздорф в Богемии, которые в настоящее время находятся вблизи мест развивающихся военных действий. Поэтому мы просим содействовать выявлению этих материалов и принятию мер к охране материалов, там находящихся. Союз советских писателей СССР уполномочивает члена ССП СССР майора Вильяма-Вильмонта обратиться к Вам по этому вопросу.

Приложение: пояснительная записка.

Секретарь правления Союза советских писателей СССР Д. Поликарпов. Секретарь

Пушкинской комиссии ССП И. Фейнберг».

Существенно, что такой знаток жизни и творчества Пушкина, как М. А. Цявловский, в пояснительной записке к письму советскому командованию уверенно заявил: «Александра Николаевна, несомненно, имела не один автограф великого поэта. Возможно, у нее были какие-нибудь документы, относящиеся к истории дуэли поэта и вообще имеющие отношение к жизни и творчеству Пушкина, не говоря уже о каких-нибудь реликвиях, вещах, портретах и т. п.».

В это же время И. Л. Фейнберг подготовил еще одно письмо, которое было направлено в Чехословацкую Академию наук: «...Союз советских писателей СССР обращается к Вам со следующей просьбой. Как нам стало известно, в 1934 году Чехословацкая Академия наук вела с графом Георгом Вельсбургом, владельцем замка Бродяны близ Нитры, переговоры о приобретении у него альбома, заполненного собственноручными рисунками и автографами Пушкина. Альбом этот перешел к графу Г. Вельсбургу по наследству, т. к. в числе его предков была баронесса Фризенгоф, сестра жены Пушкина, урожденная Александра Гончарова... Неизвестно, чем закончились эти переговоры. Есть только сведения о том, что приобрести этот альбом у графа Георга Вельсбурга хотел также граф Гаррах, живший в Вене, который является, по-видимому, также собственником и других автографов Пушкина. Союз советских писателей СССР просит Вас сообщить все, что возможно, о судьбе этого пушкинского альбома для того, чтобы можно было принять меры к тому, чтобы автографы великого поэта стали национальным достоянием русского народа. Одновременно с этим письмом мы обращаемся в Союзническую контрольную комиссию по делам Австрии с просьбой выяснить, не находятся ли возможные собственники пушкинских рукописей граф Г. Вельсбург и граф Гаррах на территории Австрии, а также с просьбой принять возможные меры содействия к переходу пушкинских рукописей в состав национального достояния русского народа».

Первое знакомство с этим важным документом вызывает ряд вопросов. И главный из них — о каком альбоме с рисунками и автографами Пушкина идет речь? Н. А. Раевский, который, как он пишет, был в Бродзьянах не в 1934-м, а в 1938 году, в своих работах ничего об этом альбоме не пишет, он его не видел и, по всей вероятности, о его существовании не знал. В то же время уверенность, с которой И. Л. Фейнберг, человек точный и весьма компетентный, заявляет об этом альбоме, позволяет думать, что вера ученого в реальность его существования зиждилась не на слухах и догадках, а на более точной информации.

Косвенное подтверждение этому находим в заметке И. Фейнберга, опубликованной осенью 1947 года в «Огоньке», «Дар чехословацких писателей». Он сообщает, что литературовед Н. Н. Вильям-Вельмонт, находившийся в рядах Советской Армии, побывал в Бродзьянах для установления судьбы пушкинских материалов.

«Предположения М. А. Цявловского подтвердились: оказалось, что материалы, судьба которых нас интересовала, хранились там до последних лет. Обнаружить их на месте тогда

не удалось. Однако Н. Н. Вильям-Вильмонт выяснил, что в числе этих материалов были портреты, письма и альбом с рисунками Пушкина... Принадлежавший Александру Николаевне альбом с рисунками поэта пока не обнаружен. Однако есть все основания к тому, чтобы продолжать розыски. Возможно, что в результате их будут обнаружены не только рисунки, но и автографы великого поэта.

Но этого альбома и рукописей Пушкина нет среди бродзянских материалов, переданных в 1947 году в Пушкинский дом делегацией чехословацких писателей и журналистов, нет его и в современном музее А. С. Пушкина в Бродзянах, и в чехословацких архивах. Остается еще версия о некоем таинственном коллекционере графе Гаррахе, но она требует тщательной проверки. Безусловно, прав лучший ныне советский знаток бродзянской Пушкинианы доктор исторических наук Л. С. Кишкин: «...из находившихся в Бродзянах пушкинских материалов... обнаружено и собрано пока далеко не все. Бродзянский архив лишь отчасти приоткрыл свою тайну».

И в Словакии и в Чехии многое напоминает о Пушкине. Когда из Праги мы направились в небольшой городок Дечин, где в архиве находятся известные документы семьи Фикельмон, близких знакомых поэта, то, конечно, не могли не остановиться на месте знаменитой битвы у чешского села Хлумец (Кульм), где в конце августа 1813 года русские войска и их союзники наголову разбили наполеоновский корпус маршала Вандаама. Одна из величайших битв войны с Наполеоном — Кульмская сравнялась в России лишь с Бородинским сражением. Многие друзья и знакомые Пушкина, будущие декабристы, героически сражались у Кульма. Соотношение сил там было 1:3 в пользу французов. Неувядаемой славой покрыла себя в этом сражении русская гвардия. В Кульмской битве участвовали П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, В. С. Норов, И. Д. Якушкин, М. С. Лунин, П. Я. Чаадаев, С. Н. Трубецкой, Н. И. Лорер и многие другие замечательные люди. Молодой Пушкин обратил к ним торжественные строки:

*Сыны Бородина, о Кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранни дол я крови не пролил?*

В 1837 году на месте сражения был воздвигнут по проекту П. Нобиле «Русский памятник». Фигура богини победы Ники венчает высокий пьедестал. А неподалеку в дубовой роще братская могила погибших в сражении. Огромный крест обвит мощными обнаженными корнями вьющихся растений, покрытые мхом и патиной времени огромные валуны образуют памятный холм над воинской могилой. Около трех тысяч русских и более восьми тысяч французов полегли в битве.

В первый день сражения незаурядное мужество проявил командир русского корпуса граф А. И. Остерман-Толстой. Он был тяжело ранен, и тут же на поле боя ему отняли руку. Чтобы войска не слышали его стонов, он приказал, чтобы рядом играл военный оркестр. Затем командование принял А. П. Ермолов.

О Кульмском сражении писал Денис Да-

выдов в «Замечаниях на некрологию Н. Н. Раевского», назвав ее бессмертной битвой. Д. Давыдов особенно подчеркивает роль А. П. Ермолова в победе под Кульмом. «Цена высоко заслуги графа Остермана и принца Вюртенбергского, — пишет Давыдов, — во всю эпоху наполеоновских войн, и в Кульмском сражении в особенности, я, основываясь на свидетельстве всех беспристрастных очевидцев и участников этого боя и не опасаясь возражений, положительно признаю Ермолова главным виновником победы, стяжавшей русской гвардии столь справедливую признательность и удивление Европы».

В Кульмской битве особенно отличилась русская гвардия. Благородный Ермолов, составляя рапорт о Кульмской победе, отнес достижение ее непоколебимому мужеству войск, к командованию графа Остермана-Толстого и почти ничего не сказал о себе. Но высоки духом были люди в то время. Тяжело раненный Остерман, прочтя рапорт, написал очень неразборчиво такую записку, адресованную генералу Ермолову: «Довольно возблагодарить не могу ваше превосходительство, находя лишь только, что вы мало упомянули об генерале Ермолове, которому я всю истинную справедливость отдавать привычен...»

А когда графу Остерману привезли орден Георгия 2-й степени, генерал сказал флигель-адъютанту князю Голицыну: «Этот орден должен бы принадлежать не мне, а Ермолову, который принимал важное участие в битве и окончил ее с такой славой».

Noblesse oblige — благородство обязывает — сказали бы в XIX веке об этом поступке.

На закладке памятника у Кульма присутствовали знавшие Пушкина и многих русских участников битвы Д. Ф. Фикельмон и ее муж Ш.-Л. Фикельмон. «В конце церемонии, — пишет в книге «Чехословацкие находки» Л. С. Кишкин, — артиллерийская батарея дала три залпа, ей ответили отдельные орудия с поля сражения». «Это мертвые говорили с живыми», — записала в дневнике Д. Ф. Фикельмон.

Поразительно все же, как много реликвий, связанных с великим Пушкиным, сохранилось в Чехословакии. В Северной Чехии, в Теплице, находится сейчас замечательная коллекция портретов друзей и знакомых поэта и родственников М. И. Кутузова. В Теплице долго жила и неподалеку в деревне Дуби, в церкви, напоминающей венецианскую церковь Мариа дель Орто, похоронена Дарья Федоровна (Долли) Фикельмон, внучка Кутузова, приятельница Пушкина, жена австрийского посла в Петербурге, женщина незаурядного ума и обаяния, и ее муж Ш.-Л. Фикельмон. А отец Долли Фикельмон граф Федор Тизенгаузен, некоторые черты которого узнаются в характере князя Андрея Болконского, погиб в битве под Аустерлицем близ современного Славкова. Пушкин не раз вспоминал знаменитое сражение и писал о нем в стихотворении «Наполеон»:

*Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлицца!
Пылал, великая Москва!*

В. П. Енишерлов, писатель

Прага — Братислава — Москва.